

НАБЛЮДАТЕЛЬНОЕ ДЕЛО № 2011*Необязательные заметки*

*Наблюдай жизнь,
и она не устанет тебя вознаграждать.*

Жюль Ренар

Последний звонок

Что-то взбрело в голову – вечером позвонил первой учительнице. Несколько лет назад взял номер у одноклассницы. Тогда всё собирались навестить. Сразу узнал голос! Правы классики: с годами в женщине всё может измениться, но голос... Нет, не совсем прежний – есть тембр, говорящий о весьма преклонном возрасте, но что-то основное, глубинное – учительские нотки с металлическим строгим оттенком, размеренность, внятность...

Невозможно забыть. Этот голос узнаётся мгновенно – по сигналу подсознания. И она узнала. Не голос, конечно, но фамилию, имя. Правда, всё сбивалась в разговоре с Олежека на Юрочку (брат тоже у неё учился). Боже мой! – это ведь она научила меня читать и писать. Попытки родителей были тщетны. Из заданного: П-АП-А, – у меня получился “ПЕТУХ”. На этом попытки домашнего обучения прекратились. Больше сорока лет с той поры!..

Свинтусы мы всё-таки – бывшие её питомцы, первоклассники неблагодарные. Всё собираемся! А ведь ей уже далеко за 80. Всякое может... И среди нас... иных уж нет. Ладно, хотя бы с Новым годом поздравил. Станный какой-то импульс. С чего вдруг именно сегодня? К счастью, не всё можно... не всё надо объяснять.

Кстати, как бы не было грустно, но велика вероятность, что этот разговор... этот звонок окажется последним.

* * *

Лекцию М-го о Пушкине по Интернету прослушал. Прекрасная речь, исключительное знание темы, владение

материалом. Самое главное – он говорит о том, что ему самому интересно, что его глубоко волнует. Это чувствуется сразу, а потому сказанное воспринимается, как личное переживание. Невозможно остаться равнодушным. Понятно, что сужу по себе. И всегда любой из его разговоров – о поэзии, культуре, философии – непременно выводит к теме личной ответственности, внутренней свободы, к тому, без чего человек превращается в безликую особь, по сути, в ничто.

Замороженные

Золотистые крупные карпы – некоторые ещё живые... Из пластиковых ящиков их достают прямо на прилавок, усыпанный ледяным крошевом. Обжигающее прикосновение. Упругая золотистая дуга, удар хвостом (камп разбивает лёд). Рука *мерчендайзера* (надпись на униформе рабочего – надо сосредоточиться, если задумаешь вслух произнести) прижимает карпа, как бы успокаивая. Рыба и впрямь затихает, словно засыпая, замирает, удивлённо округлив открытый рот. Остеклевший рыбий глаз отражает ярко сияющую лампу на потолочной балке. Следующий! Через минуту наклонная витрина выложена свежемороженым «продуктом». Словно кольчуга с золотым отливом...

«Раки любят, чтобы их варили живыми. Человек имеет свойство не видеть страданий, которые он не хочет видеть» (Л. Толстой). Давно сделал эту выписку, недоумевая над «странностью» первой части фразы. И только сейчас, как пелена с глаз – так просто! «Ключик» во втором предложении, смысл которого тогда совершенно ускользнул. Надо было увидеть карпов, засыпающих на ледяном ложе, чтобы вдруг осенило: рыба любит, чтобы её живьём замораживали!

Люди спокойно катят свои металлические корзины мимо прилавка, превращённого в ледяную усыпальницу,

совершенно не обращая внимания... Разве только взвесить парочку свежемороженых. Кровь рыба стынет – тоже красная...

Лестница в небо

Огромный кран на гусеничном ходу с неимоверно длинной стрелой, под углом градусов 75 уходящей в небо. Мне надо по лестнице, находящейся внутри металлических ферм, забраться на самую верхотуру. От одной только мысли ноги становятся ватными, кисти рук безнадежно слабеют. Предстоящее отсутствие твердой опоры накатывает волной безотчетного страха. Я испугался. Струсил! И трезвая оценка ситуации не добавляет смелости. Как удерживается это невероятное сооружение? Знаю, что на высоту 1,5 км уходит эта лестница, куда-то в облачную муть. Порыв ветра чуть посильней и... вся эта громадина, как пить дать, завалится. И никаких шансов.

Но люди лезут! Даже женщины. Зачем? Что им там надо? Вижу: кто-то машет мне рукой, зовёт – мол, полезли, чего стоишь! Но я не в силах тронуться с места. Этот страх сильнее меня. Стыдно, конечно, где-то в глубине... Но ничего не могу поделать. Я не хочу на небо.

* * *

«Семья Упоева постепенно вымерла от голода и холодного отношения к ней самого Упоева, потому что все свои силы и желания он направлял на заботу о бедных массах» (А. Платонов «Впрок»). Что это? Циничное глумление, жесткая пародия на окружающую действительность или почти святая искренность, доступная лишь юродивому? Трудно сказать. Зато по одной фразе распознаётся гениальная проза – тяжёлая, вязкая, как пласти степной глины, выбранные лопатами из котлована, именно той глины, что когда-то побывала руках Творца. Да, вся его проза – как та первородная глина...

Пропущенный вызов

«Пропущенный вызов»... Не умею быть востребованным. Да и желания особого нет. Поэтому, даже обнаружив в телефоне эту запись (редко, но бывает), не

тороплюсь перезванивать. Кому надо... Да и вообще, никогда не хотелось отвечать на вызов времени, на вызов судьбы. Пусть всё как-нибудь само... без лишнего вмешательства. Может, я природный дзэн-буддист? Или просто лентяй по жизни. Хотя внешне могу выглядеть довольно энергичным – жизнь заставляет: работа, дела всякие. Но эта суета сует – лишь имитация, бегство от самого себя, уход от главного...

* * *

«Всякая личность начинается, когда возникает желание выйти из толпы».

Григорий Померанц, Зинаида Миркина... Как она смотрит на него, когда он говорит!.. Понимание, уважение и гордость за него. И он чувствует этот взгляд. Он ему необходим, как воздух. Не только любовь, но духовное единение в этом союзе. Как трогательны эти старики! И какие светлые головы (не только из-за седины)! Вот идеал старости. Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна – по душевной близости, взаимному вниманию. И плюс огромное интеллектуальное, культурное богатство двух личностей.

* * *

23 года вместе. *«Представить страшно мне теперь, что я не ту открыл бы дверь...»*, – была такая песня. Не зашёл бы, не увидел бы...

К счастью, прошедшее время не допускает иного выбора. Именно – к счастью. Да, как ни крути... Как бы это ни звучало... надо сознаться.

Утром на улице снег – такой пушистый чистый покров. Слово по мановению скрылась вся чернота, вся натопанная грязь. Бывает, что и в душе – вот так внезапно... какой-то спокойный чистый свет.

С грехом пополам

Как заходишь в церковь, сразу слева конторка, где иконки, крестики, свечки продают, молебны заказывают. Понятно – православная атрибутика. Вот только ремень здесь зачем? Да, рядом с ликами святых обыкновенный брючный ремень

чёрного цвета висит на гвоздике. Так родители помещают на видное место подручное орудие возмездия. *«Будьте, как дети...»*. Смотрите и помните, если что!.. Будет и наказание для тех, кто напроказил, нагрешил — ремешком по одному месту. Мол, не шалите.

Батюшка проводил обряд крещения. Неторопливо, без суеты, по ходу тихо подсказывая и показывая, что и как делать. По мере необходимости что-то пояснял. Крестились двое взрослых — наш 50-летний друг и парень лет двадцати. Людей почти не было в утренней церкви. Женщина-прислужница или послушница в сером вязаном платье. Ещё несколько человек заходили. Молча крестились, ставили свечи перед иконами. Одна парочка: она маленькая на высоких каблуках с сосредоточенным личиком, он крупный детина с помятым лицом, фиолетовый фонарь под глазом... Старательно так крестились. Нельзя не поверить, что для них всё серьёзно, что эти кресты, поклоны — необходимость в их далеко не святой жизни, *хлеб наш насущный дай нам... и прости нам...*

Не то чтобы благодать, но какое-то спокойствие ощущалось во время всей процедуры. Даже лоб свой осенял крестом без обычного для себя напряжения. Как-то легко поднималась рука, повинувшись интонациям негромкого голоса, читающего молитву. Не было и тени привычного внутреннего протеста, часто возникающего при соприкосновении с религиозной бутафорией. Может, дело в человеке, в священнике — в том, кто и как доносит Слово и Дух Его? Есть ощущение, что отец Николай — один из немногих достойных служителей. Хочется верить...

Грешен человек, грешен. После крещения — шашлыки, водка. Не смущаясь (вот в чём беда и корень зла!), отметили, так сказать, событие таким несуразным образом. Прости, Господи, нас грешных. *«Грешить бесстыдно, непробудно...»*, грешить и каяться — вот участь — *«Три раза поклониться долу, семь осенить себя крестом...»*.

Успеть

Издали замечаю: автобус вот-вот отойдёт. Не успею. Но внезапно (безотчётный импульс) ускорюсь, бегу,

что есть силы, стараясь не упасть, не поскользнуться на вираже. Вылетаю из-за угла киоска на остановку, когда автобус уже тронулся. И, о чудо! — водитель предупредительно притормаживает, открывается задняя дверь. Заскакиваю, успеваю... Киваю благодарно в зеркало.

Кстати, не в первый раз такое. Видимо, мои безоглядные спринтерские рывки вызывают уважение у водителей. Впрочем, в любом деле честные усилия рано или поздно будут оправданы. *Кто-то* обязательно оценит. Даже, казалось бы, безнадёжный труд не пропадает, не исчезает бесследно. *Главное — не успех, а успеть* (М.Ц.).

* * *

Толстой-мыслитель сохранил до старости юношеский максимализм. Как позже напишет мальчик, сидевший у него на коленях: *«Во всём мне хочется дойти до самой сути — в работе, в поисках пути, в сердечной смуте...»*. Отсюда и «Крейцера соната» («сердечная смута»), и его «Исповедь» («Поиски пути» в вопросе веры. За то и отлучён, и предан анафеме), и его поздний уход из Ясной в никуда навсегда. Больной и немощный не смирил своего духа — не мог идти на компромиссы. Гордыня? Возможно. Но он всегда выбирал Истину. Шёл к ней вопреки всему.

Достоевский с азартом игрока ставил своих героев в невероятно сложные положения. Поистине с дьявольской изощрённостью испытывал, искушал. Открывал перед ними адские бездны и заманивал в райские кущи. Но сам, в конце концов, определился твёрдо, предпочтя Христа Истине, найдя тёплое местечко за пазухой.

В этом главное различие наших титанов. Кто оказался мудрее? Трудно сказать. Толстой пока ближе. **Христос, истина, неистовый...**

* * *

Настырность, заменяющая талант. Не мытьём, так катаньем берёт. *Такие* с особенной тщательностью составляют свою библиографию. Перечисляют всё — вплоть до газетных статей, заметок. Непременно — участие в конкурсах, лауреатство

районного масштаба и прочие фантики, украшающие малосъедобную начинку. Всё до кучи. Кто там разбирать будет! Зато большая. Через много лет глянь — литературный авторитет, солидный, заслуженный, маститый. Встречается с молодёжью, рассказывает про свой непростой творческий путь, делится «писательскими секретами».

Безбилетное счастье

В утреннем автобусе сосредоточенные, хмурые лица. Чего радоваться — впереди долгий рабочий день. Спать охота. Люди, не спеша, готовят мелочь, оглядываясь... Но странно... где кондуктор? Автобус останавливается, входят новые пассажиры. Всё повторяется. Кондуктора нет. Лица постепенно светлеют. Люди переглядываются понимающе: надо же — повезло!... за бесплатно едем. Блуждающие полуулыбки на подборевших лицах. Так и проехали... прокатились безбилетники счастливые.

* * *

Обёртка из-под чипсов на укатанном снегу. Порыв ветерка... Как будто краб встревоженный бочком... И замер на секунду. И опять короткая «ветренная» перебежка.

* * *

Мартовская снежная буря... буран. Большие снежинки, словно ошалевшие от ветра, мечутся за оконным стеклом. Роешь белых пчёл, несметных полчищ сила...

* * *

Землетрясение, цунами в Японии. Тысячи погибших. Взрывы на атомных станциях. Репетиция апокалипсиса? Японцы мужественно справляются. Героическая нация. Почему-то вспомнилась бухта, где японцы ежегодно забивают тысячи дельфинов. Красная от крови вода. Писк обезумевших от ужаса и боли... их и животными трудно назвать — разумные существа.

* * *

Четверг... чистый... грустный... Пасмурно. Дождь почти весь день.

Жизнь неумолима... Странное чувство. Банальные, трафаретные схемы, за которыми живые люди со своими судьбами. Счастье, несчастье... от каких пустяков порой всё зависит. Оглянувшись, понимаешь: грех роптать, дружище, тебе невероятно повезло...

* * *

«Рождение Венеры» Боттичелли в рекламе чистящего средства для туалетного кафеля. Точно! Всегда что-то такое «банно-ванное» ощущалось в этой женской фигуре. Стыдливая поза... Волосами, словно мочалкой прикрывает лоно. И морская РАКОВИНА напоминает туалетную. Мог ли предвидеть художник подобное использование образа своей возлюбленной!

Заразная болезнь

Читаю П. Басинского «Толстой. Бегство из рая». Серьёзная книга. Уже когда-то обращал внимание на поразительную особенность, объединяющую (или, наоборот, разъединяющую) всех многочисленных обитателей яснополянского дома — они все ПИШУТ. Понятно, сам Толстой по определению: «*Писанье же моё есть весь я*». Но рядом жена пишет свои дневники, сказки, роман даже. Пишут братья, сёстры — дневники, письма, мемуары. Взрослея, начинают писать дети, племянники. И не только родственники, но и доктора, секретари, учителя. Кажется, что даже горничные, стряпухи, кучера и конюхи в этом доме заражаются той же болезнью — все считают своим долгом оставить воспоминания (синдром Эккермана). Какое-то коллективное помешательство.

Ещё до свадьбы Толстой заставил (!) юную невесту прочитать свои «молодые» дневники. Невинная девушка пришла в ужас от прочитанного. За всю долгую жизнь не забыла и не простила. А через тридцать лет в каком-то приступе мазохизма взялась тайком переписывать эти злополучные тетрадки. На старости лет Толстой спохватился — стал прятать от жены свои ежедневные записи. Но бесполезно — она выискивала и читала, обрекая себя на новые и новые мучения. Сложные были отношения. А могло ли

быть иначе в этой семье, обременённой присутствием гения?

Местами какие-то параллели... Но ведь я не давал, не заставлял... Да и что там было! И всё равно эта проклятая писанина — столько нервов...

* * *

«Это такой духовный фитнес», - так известный литературный постмодернист определил то, чем он занимается.

У родных корней

Устинья Митрофановна... (1896 — 1946). Знал, конечно, но раньше как-то не обращал внимания. Несложные арифметические действия с числами на памятнике... Выходит, в 39 лет она родила младшего — отца моего. В 50 умерла, когда ему 11 едва исполнилось. Фактически сиротой остался. Отсюда многое... На всю жизнь — характер непростой. Привычка рассчитывать только на себя и нетерпимость к другим мнениям. В старости угрюмость, обидчивость.

Подкрасили памятники серебрянкой, порядок немного навели. Хорошо здесь! Всякий раз спокойствие, умиротворение. Берёзы, залитые солнечным светом. Шум листьев. Вот так лежать... Облака плывут... года, века. Возле оградки три больших уже ёлки с тёмной хвоей — в их тени рядом с предками...

Свернув с «профиля», по раздолбанной колее подъезжали к Алексеевке, как вдруг оводы! — словно свора свирепых откормленных псов подлетела к машине. Угрожающее басовитое гудение. Огромные! Таких никогда не видел. Как приклеились — летят со скоростью нашего движения, напоминая чёрные фашистские мессеры в первые дни войны. Мы едва успели поднять стёкла. Вспомнишь тут американские киноужасы со всякими насекомыми-убийцами. Панический страх обречённых людей, понимающих свою беззащитность перед кровожадным (буквально) инстинктом этих отвратительных тварей. И странно! Кинулись на машину — неодошевлённое железо. Неужели чувствуют (понимают!),

что кто-то есть (есть еда) внутри? И ещё более непонятно: как только въехали в деревню, вся кровососущая стая, как по команде, отстала. Как будто существует какая-то невидимая черта, граница, которую призваны охранять эти летающие вампиры, охранять доступ в затерянный мир...

Избы из брёвен, посеревших от времени, между которыми пустыри, заросшие бурьян-травой, где тоже когда-то... Сейчас тишина. Ни одной живой души на улице.

Лес кое-где опалён низовым пожаром. Подкопчённые снизу стволы берёз, сосен. Но живы, слава богу — зеленеют. Гибкая ящерица — изумрудный иероглиф. Как будто и впрямь ювелирное изделие. Чуть ближе. Но вдруг изгиб, шуршание травы, исчезновение...

Нашёл пять белых грибов! За красной ягодой-земляничкой потянулся... Вот один — приземистый крепыш в коричневатой шляпе набекрень на изогнутой плотной ножке. Рядом ещё. Непередаваемое ощущение, когда аккуратно под корешок срезаешь... В такой момент... Будут ли ещё такие находки? Мгновения? Непременно мелькнёт мыслишка-норушка — всё может быть последним. Всегда так, но сейчас особенно. Нельзя подготовиться, но надо помнить, понимать.

Водная прогулка

Кошка переходила вброд дорожку, залитую водой. Зная нелюбовь этих животных ко всякой сырости, просто удивительно, как решилась. И забавно было наблюдать, как она, подняв очередную лапу, брезгливо встряхивала её для того, чтобы тут же опустить её в грязную воду. Шла очень осторожно, медленно пересекая водную преграду наискосок, хотя казалось, что логичней было бы напрямую — от берега к берегу, чтобы сократить эту неприятную мокрую прогулку. А лучше прыжком — ведь запросто могла перемахнуть, но вот зачем-то выбрала этот неприятный путь. Чтоб ощутить всю «прелесть» водной процедуры?

На обочине

Мгновенно из окна маршрутки — женщина (или то, что было когда-то...) стоит на обочине. У таких трудно определить возраст. Да и не важно это.

Есть такие — одеваются не по летам. А тут ещё погода резко изменилась. Поэтому весьма странно смотрелись шорты с подворотами, какой-то блузон, вроде как модный был когда-то — всё грязное, сырое. Слипшиеся пряди мокрых волос на лбу. Смотрит куда-то вдоль дороги отсутствующим, безучастным взглядом. Видно, как продрогла в мокрой одежде. Само несчастье на обочине... И очень странный аксессуар дополнял этот образ, делая его особенно запоминающимся — вместо бус обычный мужской ремень висел на шее. То ли расстегнувшийся ошейник, то ли не затянутая петля? Бездомность, неприкаянность... Среди людей — одна...

Голова Гоголя

Возле серой стены что-то вроде уличного лотка со всякой б/ушной мелочью: краны, замки, крючки для вешалки и пр. Смутно знакомое лицо продавца. Понимаю, что бывший зек, с которым наверняка встречались. Вот что-то интересное... Беру в руки небольшой кусок тёмного металла. Плохо очищенная поверхность с вьёвшейся в трещины желтоватой сухой глиной. Повертев, угадываю — чья-то голова... вроде как миниатюрный бюст. Постепенно вглядываясь, — выдающийся нос, словно клюв хищной птицы, прямые волосы — узнаю: да это же Гоголь! Давно хотел Пушкина найти, но и Гоголь — один из любимых классиков. Взять — почистить, вымыть. Вот только цена... Вдруг чересчур... Спрашиваю с опаской. Но продавец мгновенно развеял сомнения: «1,5 рубля голова...». Всего-то! Тут же беру этот «сувенир». Ощущение маленькой удачи.

На пляже

Стоп-кадры. Женская рука... пальцы, несуразно удлинённые акриловым маникюром, медленно вдавливают окуроч в горячий песок.

Субъект в тёмных очках с методичностью жвачного животного закидывает в рот семечки. Шелуха летит вниз на тот же песок. Пара голубей семенит около в надежде поживиться. Лето. Солнце. Жара. Пляж.

На столбике, обозначающем границу пляжа, табличка с указанием количества утонувших за последние пять лет. Статистика должна напомнить об осторожности.

В очередной заплыв за буйками в мутной иртышской воде разглядел алую розу, плывущую со скоростью течения. Совсем свежая. Приподнял за колючий стебель раскрывшийся бутон, отяжелевший от влаги. Отпустил — плыви дальше. Цветок на воде не вызывает светлых чувств. Скорей ощущение трагедии. Впрочем, как и лежащий на земле — один, другой... *Цветочный путь.*

Женщина заканчивает разговор по мобильному: «Ну ладно, всё — до вечера, до встречи... в *Интернете*».

* * *

Собачонка на трёх ногах (перебитая правая передняя, видимо, уже окончательно высохла) пересекает проезжую часть. Автомобильный табун замер на красном. Быстрее, быстрее! Собачонка торопится, неловко подскакивая на одной передней. Слава богу, успела добраться до спасительной обочины.

— Почему животных жальче, чем людей?

Не мог ответить. Вообще не мог — не хотелось говорить на эту тему. Забыть бы скорей. Нехорошо внутри от этих мыслей...